

Глава 73. Глупенький приручил деревенского хулигана (12)

У окна Лин Янь украдкой прилип к стеклу, его взгляд проходил сквозь оконную раму и устремлялся к Се Яню, стоявшему во дворе. Увидев, как тот без устали хлещет холодную воду, он не удержался и тихонько цокнул языком.

Из пространства раздался смешок Лин Сяоци: [Братец, ты что, жалеешь шурина?]

[Немножко жалко.]

Взгляд Лин Яня неторопливо скользнул по туго натянутой ткани штанов Се Яня, уголки его губ изогнулись в ленивой усмешке, и он протяжно добавил: [Жалко моего брата... который несет тяжкий груз.]

[...]

Лин Сяоци молчал несколько секунд, потом покосился на свой чистенький экран: [Братец, от таких твоих речей моя система сейчас в черный экран уйдет — я ведь еще дитя малое.]

Лин Янь тихо усмехнулся, в голосе его зазвучала насмешка: [Дитя? А хочешь, я всем расскажу, сколько у тебя в пространстве припрятано полуночных рассказов про двух мужчин?]

[...]

[Смотри, а то наябедничаю.]

[Не-не надо ябедничать!]

Лин Сяоци тут же заскулил и захныкал, всхлипывая и умолая: [Это же вся моя духовная пища, ни одной книжки нельзя лишаться!]

Лин Янь тихо рассмеялся, но больше ничего не сказал. Краем глаза он заметил, что Се Янь разворачивается и собирается идти в дом, и тут же отвлекся от скулящего Лин Сяоци.

Он проворно запрыгнул на кан, закрыл глаза и притворился, что крепко спит.

Се Янь тихонько приоткрыл дверь, но застыл в коридоре и долго не решался войти.

Он помедлил у двери, потом едва слышно приоткрыл щелочку. Внутри на кане свернулся калачиком Лин Янь, крепко спал, на уголке губ еще остался невысохший молочный след, а мягкие губы из-за того, что щека была прижата к подушке, чуть приоткрылись, источая

бессознательный соблазн.

Дыхание Се Яня внезапно перехватило.

Он застыл на месте, грудь его тяжело вздымалась, рука бессознательно качнулась в воздухе.

— Ох...

Сдавленный стон вырвался из глубины горла, хриплый и томительный.

Когда он взглянул на свои руки, лицо его стало еще мрачнее, чем до того, как он вошел в дом — черное, будто окунутое в тушь. Ему наконец пришлось признать: его чувства к Лин Яню давно переступили границы братской любви.

Он вовсе не считал его младшим братом.

Он был зверем, в котором таились грязные помыслы.

Лин Янь такой наивный, ничего не понимает, а он, Се Янь, питает к нему такие недостойные мысли.

Хуже скотины, хуже свиньи и собаки!

Да и к тому же...

что это за дело такое — между двумя мужчинами?

Последующие две недели Се Янь начал намеренно избегать Лин Яня. Стоило ему увидеть это простодушное улыбающееся лицо, как в глубине души начинали бешено разрастаться потаенные желания.

Ему пришлось прикрываться делами: он уходил затемно, еще до рассвета, и возвращался лишь глубокой ночью, усталый и измученный.

Односельчанин Чэнь Чуань, который вместе с ним занимался мелкой торговлей, заметил, что с Се Янём творится что-то неладное. Во время обеденного перерыва он подошел и спросил: "Янь-ге, ты в последнее время не столкнулся с какой-нибудь бедой?"

Се Янь вздрогнул, опустил глаза и покачал головой: "Ничего."

Чэнь Чуань и Се Янь росли вместе, с детства были не разлей вода. Когда семья Се Яня внезапно постигла беда, и все в деревне шарахались от него как от чумы, один Чэнь Чуань не испугался.

Этот паренек всегда прятал за пазухой теплые лепешки и тайком совал их Се Яню, который забивался в угол развалившейся хибары.

Когда родители Чэнь Чуаня узнали об этом, они не только не запретили ему, но и частенько наливали лишнюю миску каши, чтобы сын отнес ее — им было жаль этого осиротевшего ребенка. Так Се Янь, опираясь на заботу семьи Чэнь, и вырос, перебиваясь с хлеба на воду.

Во всей деревне, кроме старого старосты, только семья Чэнь относилась к нему как к человеку.

Когда Се Янь нашел способ зарабатывать на жизнь, первым делом он привлек к этому делу Чэнь Чуаня. Он наладил в городе торговый путь и больше не желал видеть, как брат из года в год надывается на жалком клочке земли.

Многолетняя дружба сделала Чэнь Чуаня человеком, который знал Се Яня как облупленного.

Он видел, что у друга на душе беспокойно, но не стал допытываться, а только улыбнулся и хлопнул его по плечу: "Давай в обед пропустим по паре рюмок? Я угощаю."

Се Янь как раз не знал, куда деть тоску, и сразу согласился: "Пошли."

В небольшом кабачке у въезда в город шла бойкая торговля: квадратные столики были забиты до отказа, половые с горячими блюдами ловко лавировали между столиками и посетителями.

Двое устроились в углу за столиком, только разлили вино, как с соседнего стола раздался раскатистый хохот.

Какой-то мужчина средних лет с пивным животом обнимал за плечи стройного юношу и громогласно вещал: "Хочешь чего — говори смело! Я все куплю!"

Юноша, сжав губы в улыбке, принялся чертить пальцем круги на ладони мужчины.

— Братец, я приглядел одну золотую цепочку...

— Покупаем! — мужчина махнул рукой и звонко шлепнул юношу по ягодицам. — Как поедем — сразу в ювелирный!

Услышав этот разговор, Се Янь скользнул взглядом по той паре и с невозмутимым видом отвел

глаза.

Заметив, что сидящий напротив Чэнь Чуань давится от смеха, глядя на него, Се Янь спокойно заметил:

— А эти два брата, видно, очень ладят.

— Пф-ф-ф!

Чэнь Чуань не выдержал и поперхнулся, чуть не выплюнув еду на стол. Он закашлялся, отдышался и только потом выговорил: "Янь-ге, ты шутишь, что ли?"

Се Янь отпил глоток белого вина и поднял на него глаза: "Что ты имеешь в виду?"

Чэнь Чуань кивнул в сторону соседнего стола, прикрыл рот ладонью, наклонился к столу и зашептал: "Они — пара."

"?"

В голове у Се Яня будто что-то громко щелкнуло, ему показалось, что он ухватил ускользающий луч света, но понять его толком не успел.

Он нахмурил густые брови и в недоумении переспросил: "Чуань, объясни по-человечески."

Чэнь Чуань цокнул языком, оглянулся, убедился, что те двое не обращают на них внимания, и снова понизил голос: "Они — муж и жена." Видя, что Се Янь по-прежнему ничего не понимает, он добавил: "То есть муж и жена в твоём обычном понимании, только оба — мужчины."

"...?"

Та самая ускользавшая мысль взорвалась в голове Се Яня оглушительным фейерверком. Он с недоверием переспросил: "Мужчина и мужчина... тоже можно?"

Чэнь Чуань подхватил палочками кусок овощей, неторопливо прожевал и только когда те двое, расплатившись, вышли, ответил: "А чего ж нельзя? Нынче таких полно. Да и ты сам раньше таких видывал, разве нет?"

Се Янь опешил: "Я видел?"

— А то нет. — Чэнь Чуань повертел в руках палочки. — Помнишь, в прошлом году мы заезжали в город, так хозяин лавки Ван — вот он со своим мужем-женой каждый день рука об руку

ходят, так и светятся счастьем.

Се Янь опустил глаза, порылся в памяти, но в итоге лишь равнодушно бросил:

— Не обратил внимания.

Чэнь Чуань усмехнулся с видом знатока:

— Чего тут удивляться? Еще в древности было такое выражение "дуаньсю чжи пи" (букв. "пристрастие к отрезанному рукаву"; древний китайский эвфемизм для обозначения мужской гомосексуальной любви, восходящий к истории о любви императора Ай-ди к своему фавориту Дун Сяню, которому он отрезал рукав своей одежды, чтобы не разбудить его). Хотя и редкость, но существует с древнейших времен, и это совершенно нормально.

В зале стоял оглушительный гул голосов, но Се Яню казалось, что весь мир замер, и он слышит только бешеный стук собственного сердца.

Он был совершенно невежествен в этом вопросе и потому спросил с искренним любопытством:

— А как же два мужчины живут друг с другом? И как они... это самое?

Чэнь Чуань почесал щеку и, еще больше понизив голос, ответил: "Живут так же, как обычные супруги. Только, говорят, в этой сфере дело идет по сухопутному пути (намёк на анальный секс)."

[...]

Се Янь погрузился в молчание.

Он сжал губы, поднял стоявшую на столе рюмку и залпом осушил ее до дна.

Когда наступил вечер, они собрались вместе возвращаться в деревню.

На развилке Се Янь остановился: "Чуань, у меня еще есть одно дело в городе. Ты иди первый."

Чэнь Чуань ответил с готовностью: "Ладно, тогда ты, Янь-ге, поосторожнее в дороге."

— Угу.

Се Янь кивнул, развернулся и зашагал в другой конец городка. Он свернул несколько раз по

брусчатым улочкам и наконец остановился перед сверкающей золотом ювелирной лавкой.

Едва он толкнул стеклянную дверь, как к нему подошла продавщица, улыбнулась и спросила: "Господин, вы хотели бы посмотреть золото? Вам помочь с выбором?"

Се Янь оглядел сверкающие витрины и ответил прямо:

— Я хочу купить золотую цепочку.

Продавщица понимающе кивнула, осведомилась: "Это подарок? Или для себя?"

— Подарок.

— Если позволите спросить, для кого...

Адамово яблоко Се Яня дернулось, он слегка нервно произнес:

— Для моей будущей жены.

<http://bllate.org/book/18456/1927061>